

Д. Д. Санжина

НЕКОТОРЫЕ ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА БУРЯТСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНОВ

При изучении художественного мастерства писателя в работе над языком исторического романа главным является вопрос о приемах и методах отражения в языке произведения колорита прошлого, служащего выражением исторической правды, т.е. вопрос о приемах и методах обработки современного литературного языка в создании языка исторического романа.

Писатель для воплощения своих идей и мыслей в художественные образы привлекает ресурсы общенародного языка. Академик Г.В. Степанов замечает: "Более "податливым" материалом для художественной обработки являются лексика и синтаксис"¹. Основным языковым средством создания исторического колорита эпохи выступает, как известно, архаическая лексика (историзмы, архаизмы, диалектизмы). Вместе с тем Г.В. Степанов пишет: "Грамматические категории (категория рода, числа, модальность, времена, виды и т.д.) также являются богатейшим фондом стилистического использования"².

В произведениях на историческую тему употребление старых грамматических форм, отсутствующих в современном языке, дает определенный стилистический результат, но широкое их применение, несомненно, повлечет за собой нарушение одного из основных требований, которые предъявляются к языку художественного произведения, — он перестанет быть общепонятным. Поэтому использование старых грамматических форм может рассматриваться лишь как вспомогательный прием³ в работе над языком исторического произведения.

Грамматические архаизмы определяют индивидуальный писатель-

³ Как известно, А.Н. Толстой не отказывался от него, но лишь немногие старье грамматические формы, утраченные в современном языке, представлены в языке его романа "Петр Первый", являющимся классическим образцом исторической языковой стилизации.

ский стиль, стиль произведения исторического жанра и не явля-
ются, как правило, современной языковой нормой³.

В данной статье рассматриваются некоторые грамматические особенности языка исторических романов на материале произведений трех бурятских писателей Б. Санжина "Путь праведный", Ч. Цыдендамбаева "Доржи, сын Банзара", Д. Батожабая "Похищенное счастье". Первый роман посвящен истории бурятского народа конца ХУП - начала ХУШ вв. - времени зарождения дружбы и взаимопомощи между русскими и бурятами; второй - первому бурятскому ученому Доржи Банзарову, исторической эпохе середины ХІХ в.; третий - концу ХІХ - началу ХХ вв. - революционному пробуждению трудящихся бурят. Как отмечает литературная критика, эти произведения являются наиболее значительными в идейном и художественном отношении.

Введение архаичных грамматических форм, как правило, мотивируется содержанием микроконтекста и прослеживается в диалогах персонажей и стилизованном повествовании. Бурятские писатели достигают исторической характерности речевого контекста путем воспроизведения устаревших фонетических форм: "...арба нэгэн нигуурта бодисатва Арьяа бааламнай өөрөө хаража байха" - "...одиннадцатиликий наш бодисатва Арьявала сам будет смотреть" ("Похищенное счастье"). Здесь автор приводит архаичную форму слова нигуур 'лицо' (от него развился современный вариант нуур), сохранив исторический комплекс: "гласный + согласный + гласный" (ГСГ). Как известно, долгие гласные развились на месте этого комплекса.

Следующий пример из этого же романа: употребление устаревшего эквивалента современного слова адууһан 'скотина, скот' - адагуусан, в котором тоже на месте долгого уу представлен архаичный комплекс - агуу-. Эта лексема употребляется как в речи персонажей, индивидуализируя ее: "- Хун бэшэ, адагуусан ха юм..." - "- Это ведь не человек - скотина...", так и в несобственно-прямой речи (ее роль в исторических произведениях будет рассмотрена далее): "- Ёһото адагусан абаритай Ван Тумэр шал тэнэг амитан бэшэ ха юм!" - "Хотя Ван Тимур и обладает замашками скотины, однако он вовсе не безумец!" Здесь в авторской речи переданы мысли самого персонажа.

Как пишут исследователи, в частности В.И. Рассадин: "Долготы, какие мы сейчас имеем в монгольских языках, - факт языка,

приобретенный относительно поздно в процессе исторического развития, и этих долгих гласных здесь первоначально не было"⁴.

В романе Б. Санжина "Путь праведный" тоже представлены подобные формы слов с сохранением исторического комплекса (ГСТ) типа агуула 'гора' (ср. в современном бурятском языке уула): "Арса дэлгэрбэл агуулын шэмэг" - "Если расстелился можжевельник - это украшение горы" (отрывок из песни). В рассматриваемых романах имеются старинные народные или созданные самими писателями поэтические произведения, песни, которые служат живым языковым материалом для исторической стилизации.

Из другой песни этого же романа: "Ушарсан гансаа хүлээжэ/ Ууган бээми тулишоо" - "Ожидая встретившуюся единственную/ Измучилось молодое тело мое". Здесь вместо современного причастия прошедшего времени ушархан 'встретившийся' от глагола ушар - 'встречаться' употреблена монголизированная форма ушарсан, в которой вместо бурятского н употреблен монгольский согласный с. Монголизация была характерна для поэтических произведений, песен, хвалебных од, созданных "бурятскими авторами раннего периода на монгольском письменном языке", которые "разучивались исполнителями примерно в том же виде, в каком они были написаны"⁵.

Монголизмы в бурятском языке отличаются стилистическим пие-тетом, "ореолом литературности", по словам академика Б.Я.Владимирцова⁶.

В романе Ч. Цэндэндамбаева "Доржи, сын Банзара" для характеристики речи учителя, носителя литературных норм языка, писатель закономерно вводит монголизированную форму осол 'несчастный случай' вм.разг. оьол: "Нэгэ арбан хунэй осолдо ороо-ше ьаа, хойто удэрнь зуун хун хүсэ хүлөө наймаалан ерэнэ ха юм" - "Даже если с десятком людей случится несчастье, на завтра сотни придут продавать свои силы и пот".

В романе "Путь праведный" писателем закономерно и последовательно как в авторской речи, так и в речи героев дается архаичное оформление множественного числа от слова буряад при помощи малопродуктивного в современном бурятском языке суффикса -нар: буряаднар 'буряты': "Хоймор талада Тураахи туруутэй хори буряаднарай ахамад хунууд" - "На почетной стороне старейшины хоринских бурят во главе с Тураки"; "...хори буряаднарай ахамад сайд" - "главный сайт хоринских бурят".

Подобное оформление множественного числа от данной лексики встречается в летописях хоринских бурят, которые стали составляться начиная с XIII в. на старописьменном монгольском языке. Поэтому очень убедительно и достоверно с исторической точки зрения звучит данное словообразование в устах персонажей: "Манай хори буряаднарай ород гурэндэ хамжаад, Түшөөтэ хаанда алба түлэхээ болыоорнай шалтаг барижа, тэдэнэй добтолго, дээрмэ хэхэнэ тургэдөө ха юм" - "Из-за того, что мы, хори-буряты, присоединившись к Русскому государству, перестали платить дань Тушету-хану - это явилось причиной того, что они участвовали свои набеги и разорения".

В трилогии Д. Батожабая "Похищенное счастье" имеются примеры образования порядковых числительных при помощи архаичного аффикса -дугаар: "...арбан гурбадугаар Далай лама хурэтэр, найман Далай лама ута наһа эдлэнгүй, түрэлөө урилан мунхэжөө" - "...до тринадцатого Далай-ламы восемь Далай-лам, не проживая долгие лета, уходили в вечность, к своим праотцам"; "Зургаа-дугаар Далай-лама Галсан-чжямцы Хитадай император томилходоо, Далай ламын наһа эдлэхын тула эдэ хушэгэнууды бэлэглэһэн байгаа" - "Китайский император, назначая шестым далай-ламой Галсана-джамцо, подарил ему эти занавески с тем, чтобы он прожил долгие годы"; "Тэрэ дайнда Сэлэнгын полкодо алба хэжэ ябаһан адир наһатай Лубсан өөрынгөө зориг габьяа харуульанайнгаа түлөө хоёрдугаар Александр хаанһаа "Георгиевско хэрээнэ" медаль хоёры абаһан байгаа" - "В той войне служивший в Селенгинском полку юный Лубсан за проявленное мужество и героизм получил Георгиевский крест и медаль от царя Александра Второго".

Посредством данного маркированного аффикса оформлялись порядковые числительные в старописьменном монгольском языке. Кроме того, в указанных примерах этот аффикс подчеркивает высокое положение лица (далай-лама, царь) и ярко стилизует повествование, употребляясь главным образом в авторской речи.

В рассматриваемых романах, рисующих историческое прошлое, закономерно и широко представлены лексемы, образованные при помощи суффикса -аан. Как отмечает Л.Д. Шагдаров, этот суффикс очень продуктивен "в разговорном и художественном стилях"⁷. А "отдельные слова с суффиксом -аан приобретают архаичный характер, ассоциируясь главным образом с дореволюционной уединенно-патриархальной жизнью бурят"⁸.

Основу хозяйственно-экономической жизни бурят в прошлом составляло кочевое скотоводство. Кочевое скотоводство основывалось на круглогодичном пастбищном выпасе скота. Со сменой времени года устраивались перекочевки. Зимние стоянки назывались убэлжөөн, весенние — хабаржаан, летние — зуяалан, осенние — намаржаан. Однако с освоением земледелия и сенокосения под влиянием русских кочевать стали реже — только два раза в год — зимой и летом. В дилогии Ч. Цыдендамбаева "Доржи, сын Банзара" об этом написано так: "Айлнууд хабартаа зуяаландаа буухая яарадаггүй" — "Люди весной не спешат селиться на летниках".

В романе Б. Санжина "Путь праведный", рисуящем более отдаленную эпоху (конец ХУП — начало ХУШ вв.), находим упоминание и об осенниках намаржаан. "Жарантайтан... Мойхото хундыда намаржаанда буугтаад, таба-зургаан ьэен гэрнууде табинхай" — "Семья Жарантая поселилась в осеннике в Черемуховой пади, расставив пять-шесть войлочных юрт".

И наконец в трилогии Д. Батожабая "Похищенное счастье", посвященной концу ХІХ — началу ХХ вв., т.е. относительно более позднему времени, читаем: "Зунай сагта үндэр хаяатай зуяалангай модон гэртэ Намдагтан нуудаг байгаа" — "В летнее время семья Намдака жила в деревянном летнике на высоком фундаменте". Как видим, к этому времени буряты, главным образом зажиточные, стали ставить деревянные дома и на летних стоянках. Об этом свидетельствуют и исторические факты. По отчету Хоринской степной думы за 1849 г. (т.е. эти данные более ранние, чем время, описываемое в романе), войлочных юрт было 7 533, деревянных — 2 412, русских домов — 308⁹.

Для выявления синтаксических особенностей бурятских исторических романов наиболее показательными являются словосочетания. Они образуются на основе подчинительной связи между знаменательными словами, включая не менее двух знаменательных слов, одно из них главное (стержневое), другое — зависимое.

В современном языкознании существует два подхода для выделения словосочетаний: "снизу" от слова и "сверху" от предложения. Так, в отличие от предложения сочетание слов не являются коммуникативными единицами. Они вычленяются из предложения как единицы более низкого уровня, не обладающие предикативностью:

модально-временным значением. Словосочетания не имеют интонационной законченности.

Сближаясь со словами по значению, они отличаются от слов тем, что дают развернутое наименование предметам, явлениям действительности. В связи с этим чрезвычайно возрастает их стилистическая роль в исторических жанрах, так как словосочетания более ярко и полно характеризуют всю неповторимость и разнообразие реалий, событий прошлого.

Например, в рассматриваемых романах это номинация понятий, относящихся к прошлому патриархальному быту бурят. У Санжина: нээн гэр 'войлочная юрта', нээн ургээ 'войлочный дворец', нээн шэрдэг 'войлочный матрац', модон хунэг 'деревянное ведро', модон шанага 'деревянный ковш', буриад худээн дэгэл 'бурятская овчинная шуба', хонин дэгэл 'свечья шуба', харьмай дэгэл 'гладкокожая шуба', дэнзэтэй малгай 'шапка с украшением', нуудэл угсаатан 'кочевые племена'. У Цыдендамбаева: шуур гурэхэ 'плести веничек из прутьев для мытья посуды', ута модон хайрсаг 'длинный деревянный ящичек', яан шоо 'деревянные гадательные кубики', урбуулга худээн дэгэл 'вывернутая овчинная шуба', табсантай шэрээ 'столлик с подставкой', айраг бүлэхэ, тоогоо нэрэхэ 'пахтать сыворотку, перегонять водку', эрхи татана 'читает четки (тянет)', ород улгы 'русская зыбка (колыбель)', модон тудхуур 'деревянная небольшая бадья', аарсатай оёорсог 'крышка с арсой (напиток молочный)', туурга нальбэгдэбэ 'обновились войлочные стенки (у юрты)', тооньнь ойгуур 'возле их дымового отверстия юрты', тугал туулмагууд 'мешки из шкуры теленка', нууха жабдан 'топчан для сидения', хонин хунжэл 'овечьё одеяло', халсагай дагадханууд 'подстилка, половик с короткой шерстью', аягын шэрээ 'столлик для чашек'. У Батожабая: загал хубсаан 'свадебный убор', хоооор масаг 'голодный пост', харлагай ноооор дараан зузаан нээн хаалга 'толстая войлочная крышка, сдавленная из ячьей шерсти', морин тээрмэ 'конная мельница', улаан шурэтэй туйбанууд 'специальные рожки для волос, украшенные красными кораллами', заахан сууха сонхо 'небольшое окно из мочевого пузыря', зэд улхангууд 'медные котлы', заахан туламтай замбаа 'поджаренная мука в маленьком мешке', хахархай хубсаантай барлагууд 'рабы в рваной одежде'.

Наименования, относящиеся к общественной службе. У Санжина: этигэмжэтэ ноён 'доверенный нойон', залжээнэй улаа 'очередная

(подводная) повинность', ородой баатар сагаан хаанай элшэн 'посланник русского богатыря белого царя', ородой хаанай унаган албата 'исконные подданные русского царя', буряад отогой зайьанууд 'зайсаны бурятских родов'. У Цыдендамбаева: улааша хасаг 'казак-подводчик', земскэ суудэй ноён 'начальник земского суда', станична атаман 'станичный атаман', сходко суглаа хэхэ 'сделать сходку, собрание', тайшаа ноён 'тайша, начальник', полицейскэ управлени 'полицейское управление'. У Батожабая: баалтын худэлмэри 'принудительная работа', засагта алба 'правительственная служба', бадар суглуулдаг 'собирает подаяние', дуумын главна тайша 'главный тайша думы', хилын харуулай дарга 'начальник пограничной охраны', хаанай хуули 'царский закон'.

Религиозные понятия. У Санжина: хун дурсэтэй хоёр онгон 'изображение божества в виде человека', хоёр ута бандаб 'два длинных столика для бурханов', жанша хэдэрэнхэй поп 'поп, набросивший на плечи шелковую накидку', сугсэнүүднэ асараа 'принесли чашечки для священной воды'. У Цыдендамбаева: бээгэй хахархай хэсэ 'рванный бубен шамана', улаан торгон орхимжо 'красная шелковая накидка (для лам)', гурэм тухээрбэ 'собрал молебен', тарни уншаха 'читать молитву (тарни-мистическое заклинание)'. У Батожабая: нара зуб гороо 'хождение посолонь, кругом дацана по солнцу', бахил абаан хугшэн 'старушка, принявшая обет', нариихан гороогой субаса 'узкая тропинка для хождения посолонь'.

Очень показательным для произведений исторических жанров является прием несобственно-прямой речи*. Несобственно-прямая речь представляет собой стилистически двустороннее явление: грамматически исходя от автора, она в то же время передает мысли, особенности речевой манеры героя и как бы совмещает в

* Термин несобственно-прямая речь впервые введен в русское языкознание профессором В.Н. Волошиновым и является буквальным переводом соответствующего немецкого термина *uneigentliche direkte Rede*. См.: Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка. - М., 1929. - С. 131-138. Наряду с ним, для обозначаемого им явления в нашей лингвистической литературе нередко используются также такие названия, как свободная косвенная речь, завуалированная или скрытая речь, пережитая речь, несобственно-косвенная речь, подражающая речь, фигуральная речь, получужая или чужая речь, несобственно-авторская речь и т.д. В академической "Грамматике бурятского языка. Синтаксис" (М., 1962) она называется полупрямой речью.

себе два субъективно-речевых плана одновременно — рассказчика и персонажа. "Стилистическая двуплановость несобственно-прямой речи, ее способность отражать в самом повествовании субъективные мысли и переживания героев, особенности их эмоционально-экспрессивной и стилистической окрашенности речи делают ее весьма эффективной именно в историческом жанре"¹⁰, так как здесь важно, говоря словами Добролюбова, чтобы автор "судил своих героев не по понятиям своего века, а по их времени, чтобы он смотрел их глазами, жил их жизнью, рассуждал сообразно с их умственным развитием и чтобы на эту же точку зрения умел поставить и своих читателей"¹¹.

Применение форм несобственно-прямой речи в историческом повествовании позволяет показать эпоху в аспекте восприятия самих ее современников, с точки зрения участников исторических событий, их очевидцев. Академик В.В. Виноградов, отмечая употребление несобственно-прямой речи у писателей XIX в., указывал, что она является одним из наиболее эффективных средств создания "субъективной многоплановости" повествования, расширяет его "смысловую перспективу..., содействуя свободному и разнообразному отражению быта и характеров изображаемого времени"¹².

Эта субъективная многоплановость исторического повествования очень искусно осуществлена в рассматриваемых здесь исторических романах. В данных произведениях авторское повествование беспрестанно перемещается из сферы сознания одного персонажа в сферу сознания другого. События, явления, люди эпохи даются в самых различных аспектах видения, с самых различных точек зрения, тем самым создавая в объективно-авторском повествовании своеобразный "оркестр голосов" самой эпохи, раскрывающий ее изнутри, своими собственными историческими, социально характерными для нее средствами.

У Санжина в качестве примера возьмем размышления старого Тураки над судьбой своего народа: "Арад зонойнгоо ажана амгалан нуужа тухай убгэн Тураахи дурдахадаа, сог зали орон, ута сагаан ыхалала эльбэсэгээн: "Удахэээ болиьон мал нурэг соогоо мургэлдэдэг, өөдэлхэээ болиьон айл булэ соогоо хэралдэдэг", — гэжэ ходо хэлэдэг нэн. Тиибэшье буряад уг гарбалтанай энхэ амгалан, эмхи журамтай нуужын тулада засаг турэ, хүсэтэй харгалзагша хэрэгтэй гэжэ мэдэдэг нэн. Уула бүхэн оройтой, улад

бухэн засагтай байдаг шуу" - "Когда старый Тураки думал о спокойствии и благополучии своего народа, он всегда утверждал, поглаживая свою длинную белую бороду: "Скот, переставший размножаться, начинает в своем стаде бодаться, в неблагоприятной семье - постоянные ссоры внутри нее". И он знал, что для того чтобы буряты жили в спокойствии, - нужно сильное покровительство. Ведь над каждой тучей есть вершина (макушка), у каждого народа должна быть власть над ней". У Цыдендамбаева - рассуждения юного Доржи о грамоте: "Яаһан һайн нагаса гээшэб! Ямар золтой харгы энэ хүниие наашань еруулээб! Ульгэр түүхэ уншадаг болохонь! Талын дуумын гү, али зайһанай захиралта бэшэгүүднэ уншуулхаяа хүн Доржодо ерэдэг болохол. Хожом, үшөө һайса һураад байхадаа, хүндэ һайн гуйлга бэшэжэ туһалхал" - "Какой хороший дядя его! Какая золотая дорога привела этого человека сюда! Он будет читать улигеры, легенды! Будут люди приходить к Доржи с тем, чтобы он прочитал им письма, распоряжения степной думы и зайсана! А потом, когда он научится хорошо читать, он поможет людям написать хорошее прошение!"

Буряты в прошлом в массе своей были верующими. В своем романе Батожабай очень тонко раскрывает мировоззрение, психологию своих героев, одурманенных желтой религией: "Далай ламын багшаһаа адис абахадаа, наһаараа гэр бараагүй зобохоёо болихол байхаб гэжэ этигэһэн Аламжа: "Яахадаад, байза, бултанһаа урид хамба ламаһаа адис абаад орхихомни ааб" гэжэ шэбшэжэ байгаа нэн. Уеньөө үнгэржэ ябаһан нарай үхибуу тэбэриһэн һамганинь һүзэглэһэн номгон һүдөөрөө дасангай үүдэ шартэнэ. Аламжын тушаа урда дабшалжа һууһан Намдаг баян хузуугээ үлүлгэн, аман соогоо маани уншана. "Бултанһаа ехэ ноён болохо болтогойб, хамагһаа олон малтай болохо болтогойб!" гэжэ тэрэнэй хажууда һууһан гулваа ноён шэбэнэжэ һууна" - "Аламжи верил, что, получив благословение от учителя Далай-ламы, он наконец перестанет страдать, скитаться без дома и имущества: "Однако как же получить раньше всех благословение от хамбо ламы", - размышлял он. Его жена, державшая на руках грудного младенца, тихими, набожными глазами всматривалась в двери дацана. Прямо напротив Аламжи, скрестив под собой ноги, сидел богач Намдак, запрокинув голову, он читал молитву. "Да будь мне самым богатым нойоном, да иметь мне больше всех скота!" - шептал сидевший рядом с ним нойон-голова".

Таким образом, несобственно-прямая речь в силу ее способности передавать в стиле авторского изложения особенности речи самих героев позволяет писателю преодолеть стилистическую замкнутость исторического повествования в пределах современных литературно-книжных форм речи. Она значительно расширяет языковые изобразительно-выразительные возможности рассказчика в произведении о прошлом, открывая широкий доступ к использованию в повествовательной речи автора самых разнообразных стилистических красок языка изображаемого времени. В связи с этим "объективное" повествование утрачивает неизбежную в противном случае стилистическую обезличенность, ограниченность современными литературно-книжными формами выражения. Широко впитывая в себя речевые формы выражения самих персонажей, оно начинает отсвечивать живыми красками языка изображаемой эпохи, становится стилистически динамичным и, естественно, более выразительным.

Лингвостилистический анализ исследуемых произведений показывает, что грамматические архаизмы, словосочетания, устаревшие фонетические и словообразовательные средства, а также приемы несобственно-прямой речи используются писателями в широком стилистическом диапазоне и в определенной степени отражают специфичность языка бурятских исторических романов.

¹ Степанов Г.В. О стиле художественной литературы // Вопросы языкознания. - 1952. - № 5. - С. 37.

² Степанов Г.В. Указ. соч., с. 33.

³ См.: Вопросы языка современной русской литературы. - М.: Наука, 1971. - С. 14.

⁴ Рассадин В.И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. - М.: Наука, 1982. - С. 38.

⁵ Цыдендамбаев Ц.Б. О стилистическом приёме монголизмов в бурятском языке // Стилистика и лексикология бурятского языка. - Улан-Удэ, 1972. - С. 28.

⁶ Там же, с. 34.

⁷ Шагдаров Л.Д. Функционально-стилистика дифференциация бурятского литературного языка. - Улан-Удэ, 1974. - С. 254.

⁸ Там же.

⁹ См.: Очерки истории культур Бурятии. - Улан-Удэ, 1972. - С. 327.

¹⁰ Нестеров М.Н. Язык и стиль романа Ю. Тынянова "Пушкин". (К вопросу о лингво-стилистических особенностях исторических

романов и повестей о А.С. Пушкине). - Л., 1969. - С. 87.

¹¹ Добролюбов Н.А. Собр. соч. - Т. I. - М., 1934. - С. 530.

¹² Виноградов В.В. О языке художественной литературы. - М., 1959. - С. 121.
